

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-3-14>

УДК 340

Attribution

cc by

КОГНИТИВНАЯ КАРТА КРИМИНАЛЬНОЙ СРЕДЫ:
КАК ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА СТРУКТУРИРУЕТ ВЫБОР ЖЕРТВЫ

Плотников В.В.¹, Самойлов С.Ф.²

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова¹,
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России²

Аннотация. В статье анализируется, как преступники когнитивно воспринимают городское пространство, и каким образом это восприятие влияет на выбор жертвы. Опираясь на концепцию «хода» К. Левина и идеи психогеографии, авторы анализируют городскую среду как субъективное «поле» преступника, наполненное барьерами (например, полицейским присутствием, камерами наблюдения, свидетелями) и открытыми путями (темными переулками, заброшенными районами). Исследование проводилось на стыке психологической теории поля, урбанистической и ситуационной криминологии методами теоретического анализа реальных кейсов. Результаты показывают, что когнитивная карта преступника структурирует его пространственное поведение; преступления совершаются преимущественно в знакомых районах при наличии условий, снижающих риск обнаружения. Обсуждаются последствия этого явления для понимания географии преступности и профилактики правонарушений.

Ключевые слова: когнитивная карта, психогеография, городская среда, выбор жертвы, пространственное поведение, ситуационная криминология, полевая теория Левина.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COGNITIVE MAP OF THE CRIMINAL ENVIRONMENT:
HOW URBAN SPACE STRUCTURES VICTIM SELECTION

Vladimir V. Plotnikov¹, Sergey F. Samoilov²

Plekhanov Russian University of Economics¹,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia²

Abstract. This article examines how criminals cognitively perceive urban space and how this perception influences victim selection. Drawing on K. Levin's concept of «move» and the ideas of psychogeography, the authors analyze the urban environment as the criminal's subjective «field», filled with barriers (e.g., police presence, surveillance cameras, witnesses) and open paths (dark alleys, abandoned neighborhoods). The study was conducted at the intersection of psychological field theory, urban and situational criminology, using theoretical analysis of real cases. The results demonstrate that the criminal's cognitive map structures their spatial behavior; crimes are committed predominantly in familiar areas under conditions that reduce the risk of detection. The implications of this phenomenon for understanding the geography of crime and crime prevention are discussed.

Keywords: cognitive map, psychogeography, urban environment, victim selection, spatial behavior, situational criminology, Lewin's field theory.

Funding: Independent work.

Введение.

Взаимосвязь между пространственной организацией города и преступностью давно привлекает внимание исследователей. Еще Чикагская социологическая школа выявила, что уровень преступности варьируется от центра города к периферии, указывая на влияние городской среды на криминальное поведение. Однако традиционные подходы чаще рассматривали карту преступлений глазами аналитика или правоохранителя, чем глазами самого преступника.

Данная работа предлагает сместить фокус на субъективное восприятие пространства самим правонарушителем. Идея когнитивной карты криминальной среды означает, что преступник мыслит город не как

нейтральную географическую схему, а как психологическое поле со своими значениями, барьерами и возможностями [12].

Материалы и методы. Опираясь на концепцию «ходологического пространства» [7; 8] и психогеографические исследования [6; 10], мы рассматриваем городскую среду как «жизненное пространство» преступника, определяющее его возможные перемещения.

Согласно Левину, жизненное пространство – это совокупность субъективно воспринимаемых человеком возможностей передвижения в определенной среде. Иными словами, человек действует не во вполне объективном городе, а в городе, преломленном через его потребности, опыт и цели. Для преступника такое

жизненное пространственное «поле» содержит зоны притяжения (удобные для совершения преступления) и зоны отталкивания (риски и преграды).

Эта идея перекликается с психогеографией (Г. Дебор и др.), где город описывается как переживаемое пространство со своими «дрейфами» и эмоциональными зонами. В криминальном контексте можно говорить о своеобразной девиантной психогеографии, где преступник «дрейфует» по городу, руководствуясь не картой улиц, а невидимой картой рисков и возможностей.

В ситуационной криминологии давно известно, что для преступления должно совпасть наличие мотивированного преступника, подходящей жертвы и отсутствие надзора или защиты. Однако остается открытым вопрос, как сами преступники оценивают и находят такие ситуации в городской среде: Как они выбирают, куда пойти на «охоту» и кого сделать жертвой, ориентируясь в городском ландшафте социальных и физических препятствий? Мы предполагаем, что ответ кроется в когнитивной карте – внутреннем образе города у преступника.

Данная работа ставит целью разработать концептуальную модель такой когнитивной карты, описав, каким образом пространство города структурирует выбор жертвы преступником. Исследование выполняется на пересечении криминологического осмысления пространства (теория поля Левина), социологии города (структура и организация городских пространств) и ситуационной криминологии (анализ ближайшего окружения преступления).

Эмпирической базой послужили 32 кейса true crime видео с возможностью анализа локаций передвижения преступников. В ходе работы проведен обзор литературы по поведенческой географии преступности – включая исследования когнитивного картирования пространства и пространственного поведения правонарушителей.

Особое внимание уделено данным о пространственном распределении преступлений и маршрутах передвижения преступников, полученным в криминологических исследованиях (например, работе супругов П. и П. Брантингхем [2] по экологической криминологии, моделям географического профилирования К. Россмо [11] и др.). Эти данные использованы для реконструкции типичной «когнитивной карты» преступника.

Результаты.

Анализ показал, что преступники формируют в сознании ментальные карты знакомых им территорий, которые направляют их выбор целей и маршрутов. Согласно поведенческой географии, ментальная карта – это внутреннее представление окружающего пространства, используемое для ориентирования и принятия решений. Это представление субъективно, как показывали исследования еще с работ К. Линча и последователей, у разных людей карты одного и того же города отличаются в зависимости от их опыта и ак-

тивности в среде. Для преступника ключевую роль играет пространство действия – область города, в пределах которой он живет, работает, проводит время и уже знаком с обстановкой. В терминологии Левина это и есть его актуальное «жизненное пространство» [8].

Жизненное пространство преступника включает набор мест, полезность которых он оценил, и ограничен тем, что он знает и где может свободно перемещаться. Это пространство субъективно, потому что оно не тождественно всей карте города, а ограничено «локусами» опыта преступника.

В рамках данного пространства, у преступника формируется «якорная точка» – обычно собственный дом или база, от которой отсчитываются его вылазки. Вокруг якорной точки находится «буферная зона» – ближайший район, который преступник считает «своим» и где он не совершает преступлений из-за высокого риска быть узнанным. Эта зона психологически воспринимается как слишком опасная для криминальной активности, поскольку соседи, знакомые или даже собственные привычки могут выдать злоумышленника.

Таким образом, преступник стремится сместить свою деятельность чуть дальше от дома, но при этом не уходит в совсем незнакомые места. Ментальная карта содержит границы допустимого удаления от базы – минимальную дистанцию (чтобы не быть застигнутым слишком близко к дому) и максимальную дистанцию (за которой территория становится незнакомой и опасной для самого преступника).

Практические данные подтверждают такую структуру. Географические исследования серийных преступлений показывают, что большинство нападений (около двух третей) совершается примерно в пределах 8 км от базы преступника, т.е. в хорошо знакомой ему местности; при увеличении дистанции от дома частота преступлений резко падает – эффект дистанционного ослабления [10].

Как правило, молодые правонарушители действуют ближе к дому, а по мере «преступной карьеры» радиус вылазок может расти. Однако даже опытные преступники редко выходят за пределы своего узнаваемого криминального радиуса.

Таким образом, когнитивная карта ограничивает географию поиска жертвы рамками осведомленности преступника о территории.

В средовых теориях это – концепция пространства, которое человек хорошо знает и в пределах которого ищет цели [9]. Преступники, по сути, выбирают жертву там, где пересекаются два условия – территория им хорошо знакома и на ней присутствует привлекательная возможность для преступления.

Как отмечают Брантингхемы, местоположение серийного преступника обычно оказывается близким к геометрическому центру «рисунка» совершенных им преступлений, что наглядно подтверждает – их действия охвачены ограниченной пространственной «экосистемой» [2].

Мы выявили, что внутри известной преступнику территории его поведение направляют своеобразные барьеры и пути, которые носят не физический, а скорее - психологический характер. Преступник воспринимает город как поле сил, похожее на топологическую карту Левина, где цели притягивают, а преграды отталкивают. В этой когнитивной географии особое значение имеют барьеры и «лакуны». Все, что повышает риск быть пойманным, преступник воспринимает как препятствие, ограничивающее его «траектории». К таким барьерам относятся присутствие полиции (патрули, посты, отделения), камеры видеонаблюдения, освещенные и людные пространства, а также места с высокой плотностью «глаз на улице».

Как писала Дж. Джейкобс, на улице должны быть глаза – глаза тех, кого мы можем назвать естественными хозяевами улицы – и именно такие наблюдатели создают базовый уровень общественного контроля [6]. Для злоумышленника же каждый лишний свидетель на пути – это «стена» на его ментальной карте. Например, оживленная освещенная улица с активными прохожими станет психологической границей, за которой он не рискнет напасть на жертву. Камеры наблюдения и известные точки присутствия охраны работают аналогично; преступники сообщают, что они стараются избегать районов, покрытых камерами, или уходят из поля их зрения.

Барьеры могут быть и социальными (сплоченное сообщество жильцов, активно сообщающее о подозрительных лицах, делает двор «закрытым» для постороннего преступника). Барьер не оказывает воздействия, пока преступник не «надавит» на него, пытаясь проникнуть; но тогда барьер либо поддается, либо проявит сопротивление. Многие барьеры городского пространства – иллюзорные или рискованные пути, которые преступник даже не станет проверять, опасаясь сильного сопротивления.

Обратной стороной являются те области, которые преступник воспринимает как безопасные коридоры для перемещения и совершения нападения. Это, прежде всего, слабо контролируемые и малопосещаемые локации (темные переулки, заброшенные или нежилые районы, промышленная зона на окраине, парки или дворы в позднее время суток, – словом, места, где отсутствует эффективное наблюдение). Теория рутинной активности называет это отсутствием способного наблюдателя – необходимое условие, чтобы преступление состоялось [3]. На когнитивной карте преступника такие зоны обозначены как «открытые двери» или беспрепятственные тропы [7]. Кроме того, к открытому пути можно отнести маршруты минимального сопротивления при отходе (наличие дворовых проходов, сквозных путей отступления формирует для преступника чувство, что в случае чего он сможет скрыться).

Примечательно, что преступники часто действуют по принципу наименьшего усилия – выбирают места, до которых им проще всего добраться из своего дома или по ходу повседневных дел.

Таким образом, темная аллея рядом с привычной дорогой домой, где никогда не видно полиции, выступает идеальным «коридором» для поиска жертвы. Здесь сказываются и социальные факторы. Районы отчуждения – бедные, заброшенные кварталы с низким уровнем неформального социального контроля – становятся «серой зоной», где преступник чувствует себя относительно свободно. Отсутствие активных жителей, которые заступятся или вызовут полицию, превращает такие пространства в открытые охотничьи угодья на ментальной карте правонарушителя [4].

Полученные результаты позволяют представить преступника своеобразным навигатором, прокладывающим маршрут по своему внутреннему плану города. Его движение к цели – не прямолинейно, а канализировано особенностями восприятия ландшафта [10]. Он идет не «напрямик по улице», а петляет там, где чувствует безопасность, обходит стороной опасные участки, использует укрытия и тайные тропы. Например, выбирая жертву, уличный грабитель может проследить за ней от людного места до более уединенного, следуя за жертвой, но при этом сам маршрут для нападения выберет через дворы или параллельные безлюдные улицы, избегая основных проспектов с камерами и охраной. Когда цель окажется в «нужной» точке – на темной пустой улице – преступник сократит дистанцию и реализует задуманное. В этот момент его когнитивная карта подсказывает, что шансы вмешательства минимальны, пути отхода ясны, а сама жертва уязвима [12].

Можно сказать, что преступник сочетает планирование и ситуативную адаптацию. Его предыдущий опыт (успешные и неуспешные попытки) формирует стойкие когнитивные маршруты – предпочтительные треки, где «было безопасно». Вместе с тем, ситуация может меняться динамически (вышел патруль, появились свидетели), и тогда правонарушитель быстро переориентируется, сверяя новую обстановку со своей ментальной схемой. Такое поведение соответствует левиновской модели поля сил. Цели (например, ценная жертва без защиты) обладают положительной валентностью, притягивают; барьеры (полицейские, свидетели) создают напряжение, вынуждая менять направление движения [8]. Преступник движется по напряженным путям с учетом этих векторов – фактически, его «дрейф» по городу представляет собой адаптивный ответ на конфигурацию возможностей и угроз. Существующее различие между панорамной картой города и тем, как город переживается изнутри, в процессе ходьбы. Подобно этому, «карта» города в сознании преступника не совпадает с объективным планом – она искажена значимостью объектов. Например, маленький закоулок может занимать центральное место в его карте (как идеальная точка для засады), тогда как большая площадь вычеркивается (слишком опасна). Преступник как бы стирает с карты элементы, представляющие риск, и увеличивает те, что сулят выгоду. Такой селективный искажающий эффект – отличительная

черта когнитивных карт вообще, но в случае криминальной деятельности он особенно заострен практической целью избежать поимки.

Обсуждение.

Настоящее исследование подчеркивает значимость интеграции психологических и криминологических подходов для понимания пространственного поведения преступников.

Применение понятия «топологическая психология» К. Левина позволило концептуализировать город как неоднородное психическое пространство преступника, где каждый участок имеет психологическую «ценность» (положительную или отрицательную). В криминологическом контексте, такая перспектива дополняет теорию рационального выбора, помимо абстрактного взвешивания выгод и издержек, мы видим конкретный механизм, как оценка издержек (вероятности быть пойманным) реализуется через избегание определенных пространств. Иначе говоря, способ, которым преступник читает город, – это и есть выражение его «оценки риска».

Результаты также созвучны классическим идеям экологической криминологии. Еще работы 1970-х гг. показали, что на границах разных районов уровень преступности повышен, поскольку преступникам удобно пользоваться переходными зонами. Наше описание «открытых путей» фактически объясняет этот эффект с точки зрения субъективной карты. Границы районов часто слабо контролируются (ни одна группа жителей не считает территорию «своей»), что создает лазейки для злоумышленников. Подобным же образом, концепция Джейкобс об «глазах на улице» получает подтверждение, там, где этих «глаз» нет, на субъективной карте образуется свободное пространство для преступления [6]. Показательно, что приемы проектирования безопасной среды направлены фактически на то, чтобы перерисовать карту преступника (усилить освещение, убрать укрытия, установить видимые камеры – т.е. превратить потенциально открытые пути в ощущаемые барьеры). Исследования влияния видеонаблюдения, например, демонстрируют, что многие преступники учитывают наличие камер и предпочитают зоны вне их досягаемости [1]. Тем самым, практические меры безопасности работают не только объективно, но и через восприятие – они изменяют «психогеографию» города в сознании потенциального правонарушителя.

В обозначенном смысле город – это не единое для всех пространство, а множество наложенных друг

на друга ментальных ландшафтов. Криминальная когнитивная карта – лишь один из таких ландшафтов, особый и асоциальный. Однако ее учет может быть полезен и для общества. Понимание того, как преступник выбирает жертву географически, помогает прогнозировать и предупреждать преступления. Так, модели географического профилирования уже берут на вооружение гипотезу о якорной точке и буферной зоне, позволяя сузить район поиска серийного преступника по карте инцидентов [11]. Но помимо чисто полицейского применения, знание о когнитивных барьерах и маршрутах полезно в городском планировании и архитектуре.

Создавая «неудобный» город для преступника, где его поле действия ограничено множеством пересекающихся зон контроля, можно структурно снизить вероятность нападений. Этот вывод перекликается с идеями ситуационной профилактики (изменяя среду, мы воздействуем на поведение, не дожидаясь изменений в личности преступника).

Заключение.

Городская среда активно формирует сценарии преступлений, действуя через восприятие и сознание самих преступников. Применение левиновской концепции «хода» в психогеографии криминального поведения показало, что преступник – не просто реагирующий агент, но и «путешественник» по собственному когнитивному ландшафту.

Пространство города структурирует выбор жертвы посредством системы субъективных барьеров и путей. Преступники предпочитают действовать в знакомых границах, избегая зон контроля и выбирая те места, где их цель уязвима и не защищена. Эта многомерная картина объединяет психологическую мотивацию, географическое пространство и социальные механизмы контроля.

Таким образом, междисциплинарный взгляд – на стыке философии (осмысление пространства), социологии города и психологической криминологии – обогащает наше понимание преступности.

Учитывая когнитивную карту криминальной среды, можно эффективнее прогнозировать пути преступников и создавать городские пространства, менее подверженные преступным посягательствам. В конечном счете, безопасность города зависит не только от числа полицейских и камер, но и от того, каким этот город «видят» те, кто намеревается нарушить закон.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. *Bollnow O.F. Human Space (Trans: C. Williams, 2011). London: Hyphen Press; 2011. 288 p.*
2. *Brantingham P.J., Brantingham P.L. Residential burglary and urban form. Urban Studies. 1975; 12(3): 273–284.*

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. *Canter D., Larkin P. The environmental range of serial rapists. Journal of Environmental Psychology. 1993; 13(1): 63–69.*
4. *Cohen L.E., Felson M. Social change and crime rate trends: a routine activity approach. American Sociological Review. 1979; 44(4): 588–608.*
5. *Debord G. Theory of the Dérive. Les Lèvres Nues. 1958; 9: 3–6.*
6. *Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House; 1961. 458 p.*
7. *Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper & Row; 1951. 346 p.*
8. *Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York: McGraw-Hill; 1936. 240 p.*
9. *Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press; 1960. 194 p.*
10. *Newman O. Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design. New York: Macmillan; 1972. 264 p.*
11. *Rossmo D.K. Geographic Profiling. Boca Raton: CRC Press; 1999. 368 p.*
12. *Бродченко О.И., Логунова О.А. Пространственное поведение преступников. // Сборник научных трудов Академии МВД. Минск; 2010. С. 112–124.*

References:

1. *Bollnow O.F. Human Space (Trans: C. Williams, 2011). London: Hyphen Press; 2011. 288 p.*
2. *Brantingham P.J., Brantingham P.L. Residential burglary and urban form. Urban Studies. 1975; 12(3): 273–284.*
3. *Canter D., Larkin P. The environmental range of serial rapists. Journal of Environmental Psychology. 1993; 13(1): 63–69.*
4. *Cohen L.E., Felson M. Social change and crime rate trends: a routine activity approach. American Sociological Review. 1979; 44(4): 588–608.*
5. *Debord G. Theory of the Dérive. Les Lèvres Nues. 1958; 9: 3–6.*
6. *Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House; 1961. 458 p.*
7. *Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper & Row; 1951. 346 p.*
8. *Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York: McGraw-Hill; 1936. 240 p.*
9. *Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press; 1960. 194 p.*
10. *Newman O. Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design. New York: Macmillan; 1972. 264 p.*
11. *Rossmo D.K. Geographic Profiling. Boca Raton: CRC Press; 1999. 368 p.*
12. *Brodchenko O.I., Logunova O.A. Spatial behavior of criminals. // Collection of scientific papers of the Academy of the Ministry of Internal Affairs. Minsk; 2010. pp. 112-124.*

Информация об авторах:

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, ORCID: 0000-0002-2130-7357, E-mail: inkognito13@inbox.ru

Самойлов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, inkognito1@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics.

Sergey F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.03.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.